

Сяргей Піваварчык
(Гродна)

Стэфан Пашкевіч аб „просторнародном наречии”: лёс беларускага святара сярэдзіны XIX ст.

Вядомы беларускі гісторык і грамадскі дзеяч Аляксандр Цвікевіч пісаў, што ідэя беларускага культурнага адраджэння лунала ў канцы 50-х на пачатку 60-х гадоў XIX ст. у паветры і знаходзіла моцны адгалосак у агульным грамадска-культурным уздыме ў Расіі, асабліва ў сувязі з моцным нацыянальным рухам на Украіне. Падняўшая галаву рэакцыя і мураўёўскі тэрор разам з паўстаннем задушылі яе далейшае развіццё¹. Сёння гісторыкі знаходзяць усё больш фактаў, якія пацвярджаюць слушнасць гэтага выказвання. Гартаючы старонкі „Літоўскіх епархіяльных ведамасцей” за 31 кастрычніка 1863 г., нашу ўвагу прыцягнуў артыкул „О необходимости знания сельскому священнику местного простонародного наречия”². Аўтарам быў вясковы святар Чарнаўчыцкай царквы Брэскага павета (15 км на поўнач ад Брэста) Стэфан Пашкевіч. Нас не мог не зацікавіць лёс самога святара, які на старонках афіцыйнага друку XIX ст. выступіў з тэмай актуальнай для Беларусі і сёння. Высветлілася, што маючы ў біяграфіі шмат агульнага з пачынальнікамі беларускай нацыянальнай ідэі, Стэфан Пашкевіч мог стаць з імі ў адзін шэраг. Аднак жыццё яго склалася па-іншаму.

¹ А. Цвікевіч. „Западнарусизм”. *Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст.*, Мінск 1993, с. 56.

² Священник С. Пашкевич, *О необходимости знания сельскому священнику местного простонародного наречия* „Литовские епархиальные ведомости” (далей: ЛЕВ), 31.10.1863, № 20, с. 791-797.

Стэфан (Сцяпан) Ануфры Пашкевіч нарадзіўся ў 1806 г. у вёсцы Карталіч Ковельскага павета Валынскай губерні ў сям’і уніяцкага святара. Як і М. Баброўскі, скончыў Галоўную духоўную семінарыю пры Віленскім універсітэце са ступенню кандыдата багаслоўя, таксама два гады (1831—1833) знаходзіўся ў Жыровічах у якасці настаўніка Літоўскай грэка-уніяцкай семінарыі. У 1833 г. (у той год, калі Баброўскі быў прызначаны святаром у Шарашова) С. Пашкевіч быў накіраваны святаром у вёску Хомск Кобрынскага павета. Там ён праслужыў 22 гады, перайшоў у праваслаўе і ў 1855 г. быў пераведзены ў Чарнаўчыцы³. Напэўна, Пашкевіч вылучыўся сваёй дзейнасцю ў Хомску, паколькі перамясцілі яго ў неблаганадзейны з гледзішча царкоўных улад прыход, бо тут быў моцны ўплыў каталіцызму. У Чарнаўчыцах з 1585 г. стаяў прыгожы мураваны касцёл, моцныя карані мела уніяцтва. Гісторыя праваслаўнай царквы ў гэтым прыходзе, паводле звестак „Царкоўна-прыходскай ведамасці” адлічваецца з 1543 г.⁴ Пасля Брэсцкай царкоўнай уніі царква стала уніяцкай, а ў 1655 г. была спалена рускімі войскамі. У 1765 г. яна была адбудавана і асвечана Антоніем Карчэўскім. Незадоўга да Полацкага сабора 1839 г. храм быў капітальна адрамантаваны, а пасля сабора 8 кастрычніка быў пераасвячаны Камянецкім благачынным Паўлам Крукоўскім у праваслаўны. Прытчам Чарнаўчыцкай царквы тады быў Фама Кунаховіч, які прыняў праваслаўе і заставаўся святаром да сваёй смерці ў 1854 г. Пасля яго смерці і быў прызначаны святаром Чарнаўчыцкай царквы Стэфан Пашкевіч⁵. Улады не памыліліся. Дзейнасць айца Стэфана на новым месцы была вельмі актыўнай.

Як ужо згадалася вышэй, у „Літоўскіх епархіяльных ведамасцях” за кастрычнік 1863 г. з’явіўся артыкул С. Пашкевіча „О необходимости знания сельскому священнику местного простонародного наречия”. Што прымусіла яго прыйсці да такой думкі? Вось што пісаў у гэтым артыкуле айцец Стэфан (каб захаваць аўтарскі стыль, дакумент падаецца на мове арыгінала):

„Прибыв на новое место служения, я нашёл церковь в бедности, требующей починки; новые мои прихожане в большей половине были смешаны с прихожанами римско-католического исповедания; римский, каменный, хорошо украшенный костёл величаво стоял в расстоянии нескольких сот шагов от нашей довольно убогой церкви. Это давило грустью мою душу; когда же наступил праздни-

³ Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродне (далей: НГАБГ), фонд 1, апісанне 27, адзінка захавання 230, аркуш 120.

⁴ НГАБГ, ф. 429, ап. 1, адз. зах. 8, арк. 6.

⁵ Там жа, арк. 23.

ный день, на Всенощную являлось в церковь из моих прихожан не более 8 или 10 человек, считая в том числе и церковного старосту, а к обедне едва 20 до 25; в то время сердце моё, так сказать, облилось кровью, и я впал в уныние, и в какое-то расслабленное состояние. Холодность эту прихожан к своей церкви и своему вероисповеданию я сначала отнёс к моему предместнику 70 летнему старику, полагая, что он при таких летах, будучи уже не в силах аккуратно исполнять Богослужение, по неволе стал причиной таковой. Но когда прошло несколько месяцев и число народа в воскресные и праздничные дни в церкви не увеличивалось, а по-прежнему все отправлялись в костёл, где, кроме привлекательного органа, столь любимого простолюдными, постоянно говорились ксендзами поучения, на языке для народа понятном — хотя этот язык и не народный, а польский, знакомый народу, то я вполне убедился, что виною несочувствия к своему вероисповеданию и церкви служит не неаккуратность моего предместника по Богослужению, а орган, и более всего постоянно говоренные ксендзами довольно понятные для народа польские поучения.

При таких неблагоприятных обстоятельствах я вспомнил, что простонародное (у гэтым месцы рэдактар дае заўвагу, што „простонародным наречием сочинитель называет малороссийское наречие, которым в тех местах говорят крестьяне” — С. П.) наречие мне вполне знакомо, говорённые поучения на оном, на прежнем месте служения, давали мне большой вес. А потому, призвав Бога на помощь, принялся во всякий Воскресный и Праздничный день объяснять евангелие или же говорить поучения на наречии моих новых прихожан. Они сначала чрезвычайно удивились, услышав в первый раз, во храме Господнем, свой так близкий сердцу родной язык (тут рэдактар яшчэ раз паўтарае, што „родной язык прихожан сочинителя, равно как почти всего сельского населения уездов Кобринского и Брестского, есть малороссийский”. Ад сябе адзначым, што паўднёва-заходняя Беларусь адносіцца да зоны заходнепалескай дыялектнай групы. Гэта група з’яўляецца гістарычнай перыферыяй асноўнага масіву беларускіх гаворак і ўвабрала ў сябе асаблівасці беларускай і ўкраінскай моў⁶ — С. П.); и во сколько я мог заметить, сначала обращали внимание не на нравоучение, а только на слова и звуки столь приятные их слуху. Но не прошло месяца, как оставив Богослужения в костёле, начали в большом числе собираться в свою церковь, сперва быть может более из любопытства, а в последствии, конечно, из любви к своему родному и сознательно. Даже прихожане римского исповедания из крестьян,

⁶ *Беларуская мова. Эцыклапедыя*, Мінск 1994, с. 55.

называемые здесь в простонародии поляками, хотя они тоже говорят у себя на малороссийском наречии, стали вместо костёла посещать православную церковь, а несколько душ из них и присоединились к православию. В настоящее же время, в каждый Воскресный и Праздничный день, церковь всегда полна народа, а в большие и храмовые праздники не помещает оно, и часть его остаётся на открытом воздухе. Крестьяне, которые прежде стыдился своего родного языка, и при встрече с кем либо из другого сословия старались объясняться на польском, немилосердно коверкая слова его, ныне объясняются со мною, и вообще стараются со всеми говорить, обыкновенно, на своём родном языке, почти гордясь оным, и разве по необходимости употребляют в разговоре язык польский.

Церковь, как я выше пояснил, принадлежала к числу бедных по Брестскому уезду, и требовала капитальной починки, и хотя переписка о том деятельно продолжалась несколько лет, но не принесла ни малейшей пользы. Но в настоящее время эта церковь починена, украшена и состоит в числе первых. А всё это, при помощи Божией, произошло от добротных посильных лепт, которыми внимательные прихожане на призыв мой всегда по возможности откликались (гэты факт адзначаны таксама ў „Літоўскіх епархіяльных ведамасцях” за 1864 г. Пры гэтым указана сума ахвяраванняў прыхаджан — 640 руб. 17 кап, а таксама гаворыцца, што „за благопечение о благолепии местного храма, Его Высокопреосвященством преподано архипастерское благославление священникам и прихожанам со внесением сей награды в формулярные списки первых”. Другім святаром у Чарнаўчыцах быў у гэты час сын Стэфана — Іаан Пашкевіч⁷). Многие из окрестных священников, по тому же прекрасному побуждению, также научились простонародному наречию и с большой пользою проповедуют на нём слово Божие своим прихожанам. Польза эта явным образом видна в постепенных постоянных украшениях прихожанами своих, прежде бедных, церквей.

Во сколько могуществен родной язык прихожан, употребляемый на священной кафедре, вполне удовлетворяет памятный для меня следующий случай. Когда в 1859 г. последовало распоряжение Святейшего Синода и за сим епархиального начальства, о заведении трезвости между прихожанами, я в один из праздников того ж года, при многочисленном собрании народа произнёс на родном его языке поучение, во сколько пьянство вредно для человека в нравственном и физическом отношении, и когда в конце поучения увещевал их оставить ради собственного и своего семейства блага сей пагубный для них порок, то они все с мала до велика в числе не-

⁷ ЛЕВ 1864, № 16, с. 577; НГАБГ, ф. 429, ап. 1, адз. зах. 8, арк. 13.

скольких сот человек тотчас объявили, что отнюдь не будут употреблять никаких горячих напитков. Те же из прихожан, которые в то время не присутствовали в церкви, в первый Воскресный день явившись в оную, просили причислить их к братству трезвости, так что не прошло и месяца, как в целом Чарнавчицком приходе едва осталось только несколько человек, которые не переставали употреблять горячие напитки, и то делали тайно. Такое нечаянное остепенение крестьян, натурально, накликало на нас страшный ураган со стороны Брестской акцизной конторы, но благодаря нашему начальству оный прошёл без худых для меня последствий. Примеру моему по сему делу последовали и все окрестные священники, т.е. относительно увещаний оставить пьянство, но своими назиданиями достигли вполне цели только те из них, которые достаточно знали родной язык своих прихожан, и на нём убеждали своих духовных детей отказаться от этого порока.

Из всего сказанного, по неволе рождается убеждение, что вообще священникам, особенно новорукоположенным, весьма было бы полезно изучение простонародного наречия своих прихожан, в то время они при достаточном его знании и постоянном употреблении на поприще своего служения прихожанам, сделали бы для себя все возможным, как по устройству вверенных им церквей, так отчасти по улучшению своего собственного незавидного положения.

Я не думаю порицать тех из сельских священников, которые истинны веры церкви нашей православной объясняют своим прихожанам на литературном велико-русском языке, который не всегда понятен и велико-русским простолюдинам; не дерзаю утверждать, чтобы объяснения эти оставались без пользы и не были вовсе понятны, особенно в приходах, состоящих из казённых крестьян; допускаю даже в пользу употребления велико-русского языка в том отношении, что через него мы сближаемся, сродняемся как бы с центром нашей национальности: но при всем том должен сказать, что таких приходов, где могут понять проповеди на велико-русском наречии, у нас немного, да там женщины мало вообще понимают эту речь. В приходах же бывших помещичьих едва только не многие, которые мели случаи обращаться с велико-русскими людьми, в состоянии понять поучения на велико-русском наречии, и то ежели оно говорится в церкви не высокопарным слогом. Следовательно, пока грамотность между нашими крестьянами не распространится и молодое поколение не станет вполне понимать письменного велико-русского языка — духовная польза их отцов и матерей неминуемо требует от нас знания их родного — местного наре-

чия и объяснения в церквах на оном истин Веры нашей православной церкви.

Самая наша национальность легко и много выигрывает в своих правах, и в своей силе, ежели родным языком народа будут объясняться в церкви и истины св. Веры. В то время в глазах простолюдинов наш родной-русский (тут зноў удакладненне рэдактара: „Крестьяне своё малороссийское наречие, на котором говорят, называют простым, а иногда русским языком, в отличие от польского. То же и в тех местностях, где говорят по-белорусски. Говорить по-просту, значит говорить не по-польски; и на вопрос: „чей же это простой язык”, крестьянин, хотя бы то он был римско-католического исповедания, отвечает: наш, да чей же наш, отвечает: мужицкий „русский”) язык облагородится, крестьяне не стали бы стыдиться разговаривать на нём с лицами другого сословия, бросили бы говорить с ними, хотя бы то коверкая польские слова, по-польски, как это в нашем околотке обыкновенно водится, особенно между крестьянской знатью, т.е. между начальниками обществ”.

З артыкула вынікае, што С. Пашкевіч вельмі добра разумеў сілу пропаведзі на родной мове прыхаджан і карыстаўся ёю яшчэ з таго часу як быў святаром у Хомску. А з’яўленне гэтага артыкула ў афіцыйным друку было сведчаннем працэсу, пра які пісаў А. Цвікевіч. І хаця С. Пашкевіч гаворыць аб значэнні і ролі рускай мовы, у цэлым яго высновы не адпавядаюць сцвярджэнням „западных русоў” наконт беларускай мовы⁸.

Нам невядома, ці працягваў чытаць пропаведзі на „простай” мове айцец Стэфан пасля падаўлення паўстання 1863 г. А вось іншыя накірунак яго дзейнасці вядомы. Менавіта ягоная актыўная дзейнасць паспрыяла закрыццю 2 кастрычніка 1867 г. рымска-каталіцкага касцёла і перадачы яго ў распараджэнне мясцовага праваслаўнага святара⁹. Як адзначана ў царкоўным летапісе: „В своих действиях в пользу православия о. Стефан Пашкевич не останавливался ни перед никакими препятствиями”¹⁰. 14 снежня 1869 г. былы Троіцкі касцёл у Чарнаўчыцах стаў Мікалаеўскай праваслаўнай царквой. Гэтая падзея паўплывала на далейшы лёс Стэфана Пашкевіча. Католікі не змірыліся са стратай свайго храма і пачалі пісаць скаргі ў розныя інстанцыі. Каб адпомсціць С. Пашкевічу, у Літоўскую духоўную Кансісторыю было пададзена прашэнне аб удаленні яго з Чарнаўчыцкага прыхода. У летапісе гаворыцца, што „утомлёны в непрерывной борьбе с врагами православия, священник Паш-

⁸ А. Цвікевіч. *Западнорусизм...*, с. 57-58.

⁹ НГАБГ, ф. 429, ап. 1, адз. зах. 8, арк. 13-14.

¹⁰ Там жа.

кевич в 1871 г. уволился за штат, уступив место настоятеля своему помощнику и сыну священнику о. Иоану¹¹. В 1879 г. айцу Стэфану Пашкевічу быў даручаны прыход Кругель, аднак у хуткім часе ён памёр. У летапісе пасля звесткі аб смерці С. Пашкевіча гаворыцца наступнае: „Записывается это на память о добрых подвигах священника Стефана Пашкевича в пользу православия, и в известие потомству, чтобы оно видело каким преследованиям и бедствиям ещё в недавнее время и теперь подвергаются православные священники в борьбе с католицизмом. Только теперь, когда несколько утихла злоба католиков, прихожане оценивают заслуги о. Пашкевича, ибо они имеют у себя каменный, прочный, вечный храм и на долгое время свободны от тех расходов и трудов, которыми сопровождаются постройки храмов в других приходах”¹².

Нягледзячы на тое, што чарнаўчыцкія католікі прасілі, каб ім аддалі старую праваслаўную царкву, гэта не было зроблена, і ў Чарнаўчыцах да 1919 г. былі дзве праваслаўныя царквы. Усё вярнулася на старое месца на пачатку 20-х гг. XX ст., калі Заходняя Беларусь увайшла ў склад Польшчы. Мікалаеўская царква зноў стала Троіцкім касцёлам, а праваслаўныя вернікі атрымалі драўляную царкву св. Параскевы Пятніцы. З 1920 г. праваслаўным святаром тут быў Філіп Паўлавіч Турэвіч, ураджэнец Грубяшоўскага павета. У 1910 г. ён быў настаўнікам Славацінскай школы і старшым псаломшчыкам Бельскай Кірыла-Мяфодзіеўскай царквы. У гэтым храме Ф. Турэвіч быў рукапаложаны ў дьяканы ў 1911 г. А ў 1920 г. епіскап Брэсцкі рукапалажаў яго ў святары Бельскага Кірыла-Мяфодзіеўскага сабора, але паколькі сабор быў заняты, айца Філіпа прызначылі настаяцелем Чарнаўчыцкай царквы¹³.

На наш погляд, лёс Стэфана Пашкевіча адлюстравыў складаны шлях развіцця нацыянальнай ідэі. У першай палове XIX ст. станаўленне беларускай ідэі сутыкнулася з новай плынню ў грамадзянскай думцы — заходнерусізмам. Істотным у гэтым сутыкненні быў той момант, што прадстаўнікі і той, і другой плыні былі з асяроддзя уніяцкага духавенства. У той гістарычнай сітуацыі больш шанцаў на поспех меў заходнерусізм. Але нягледзячы на моцны ўплыў „западно-русской” ідэалогіі, праваслаўныя святары (пераважна мясцовыя ўраджэнцы з былых уніятаў), можа нават і не свядома, спрыялі пашырэнню ў грамадстве нацыянальнай ідэі.

¹¹ Там жа.

¹² НГАБГ, ф. 429, ап. 1, адз. зах. 4, арк. 2-3.